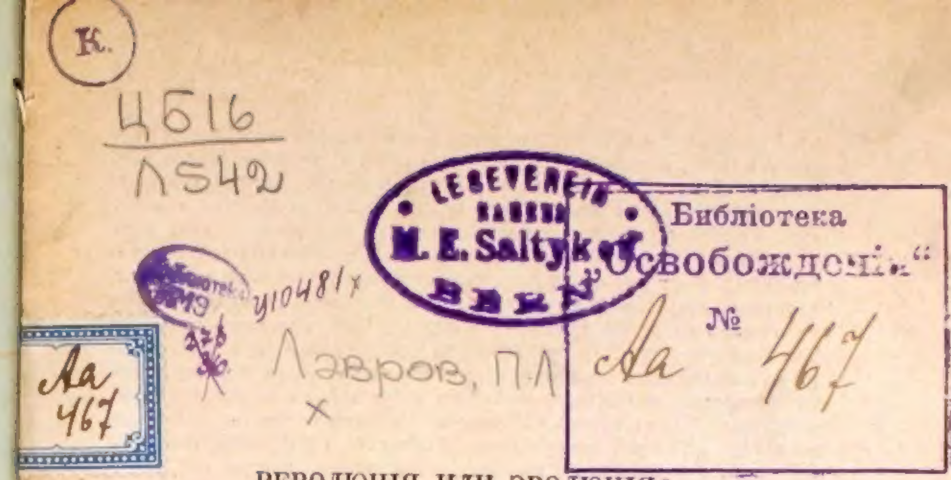
Лавров П Л

Революция или Эволюция

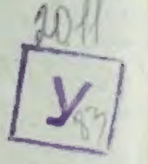
3 экз

РЕВОЛЮЦІЯ ИЛИ ЭВОЛЮЦІЯ?

Недавно появилось новое изданіе „Russie politique et sociale" Л. А. Тихомирова, стараго народовольца и одного изъ редакторовъ „Вѣстника" партіи. Предисловіе этого изданія произвело на насъ, его товарищей по дѣятельности, убѣжденіямъ и симпатіямъ, ошеломляющее впечатлѣніе, скоро уступившее мѣсто сложному чувству сожалѣнія, горечи, негодованія. Авторъ заявляетъ здѣсь такіе взгляды, которые отбрасываютъ его далеко вправо не только отъ Народной Воли, не только отъ любой соціально-революціонной партіи, но и отъ любой общественной группы въ Россіи, дѣятельно стремящейся къ свободѣ. Мы протестуемъ отъ всей полноты убѣжденія противъ взглядовъ на революціонный путь вообще, на терроръ въ частности, выраженныхъ нашимъ вчерашнимъ товарищемъ. Мы не можемъ останавливаться подробно на этихъ мнѣніяхъ, но мы предполагаемъ, что всякій прочтетъ это предисловіе, и будемъ искренно рады, если кто-нибудь не повѣритъ намъ на слово и обратится прямо къ источнику, каждое слово котораго нуждается въ комментаріяхъ..... А этотъ тонъ, какимъ написано предисловіе, тонъ непередаваемый, исполненный важности, назиданія и непогрѣшимости! Авторъ смотритъ на обыкновенную человѣческую жизнь съ такой высоты, что для него исчезаютъ всѣ мучительные вопросы, раздѣляющіе русскую интеллигенцію на разныя партіи, русскихъ революціонеровъ на разныя фракціи. Кто онъ самъ такой—не извѣстно; онъ боится обмолвиться словомъ о томъ, какую роль игралъ, къ какой принадлежалъ партіи; если ему приходится употребить слово „соціализмъ", онъ дѣлаетъ это такъ небрежно, такъ мимоходомъ, совсѣмъ въ родѣ апостола Павла, который не совѣтуетъ говорить о сихъ мерзостяхъ.

Но довольно объ этомъ.. По мнѣнію Тихомирова, „лишь *здравыя положительныя идеи* могутъ распутать современное положеніе

въ Россіи, онѣ однѣ могутъ указать путь *не для того, чтобъ проливать кровь*, а *чтобы развивать ея силы*". И тутъ-же авторъ ставитъ аксіому: „нужно имѣть *идею построенія, идею соціальнаго творчества*; только *затѣмъ* уже можно имѣть *политическія свободы*". Нѣсколько выше онъ подводитъ подъ рубрику не суть важной вещи (pas grand'chose) „парламентъ и кой-какія политическія свободы" и съ соболѣзнованіемъ указываетъ читателю на людей, которые „ради такой *малости* (ce peu de chose) полагаются лишь на *терроръ да на насильственныя мѣры*". Что намъ надо, говоритъ Тихомировъ (стр. XI), это „какъ можно скорѣе и какъ можно шире развивать цивилизацію и науку, въ особенности изучать страну и народъ... и быть въ состояніи избрать *путь совершенно независимый*". Этими словами отрицаетъ революціонную дѣятельность тотъ самый авторъ, который въ „Вѣстникѣ" (№ 4, 1885, стр. 257) говорилъ о томъ, что „революціонная мысль всегда реальна и именно поэтому всегда имѣетъ средства къ пересозданію общества". Съ терроризмомъ Тихомировъ еще строже: онъ собственно не будетъ „настаивать на морали этого способа дѣйствія", но онъ „уже предвидитъ *серьезныя опасности*, которыя могутъ возникнуть мало по-малу отъ привычки совѣтоваться *лишь со своею совѣстью* въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ жизнь и смерть человѣческаго существа". Затѣмъ слѣдуетъ фраза, на которую мы просимъ читателей обратить вниманіе: „Изъ двухъ одно: или имѣешь достаточно силъ, чтобы измѣнить режимъ, низвергая правительство, которое противится измѣненію, или ихъ не имѣешь. *Въ первомъ случаѣ нѣтъ никакой надобности въ политическихъ убійствахъ*; во второмъ, эти убійства не поведутъ ни къ чему".... Да и „вообще всѣ эти надежды на терроръ обнаруживаютъ лишь недостатокъ пониманія соціологическихъ законовъ. Кинжалъ или динамитъ лишь запутаютъ положеніе дѣлъ" (стр. XII). Наконецъ, по словамъ автора, даже и говорить-то нечего о томъ, какая опасность грозитъ умамъ, когда „великія соціальныя проблемы" уступаютъ постоянно мѣсто *принижающей* (чуть-чуть не унизительной, abaissante въ текстѣ) борьбѣ противъ полицейскихъ агентовъ". Этотъ именно эпитетъ примѣняетъ авторъ, замѣтимъ мы отъ себя, къ дѣятельности своихъ бывшихъ товарищей, напр., Желябова, Перовской, Александра Михайлова, это похвальное слово произноситъ онъ на гробѣ друзей, къ счастію не слышащихъ его, произноситъ въ тотъ моментъ, когда у насъ вырывается почти воплемъ:

Нужны намъ великія могилы,
Если нѣтъ величія въ живыхъ...

Приведенныхъ мѣстъ достаточно, надѣемся, чтобы авторъ нашелъ себѣ отпоръ среди людей мало-мальски либеральныхъ и сколько нибудь понимающихъ современное положеніе Россіи, къ какому-бы лагерю они ни принадлежали, за исключеніемъ, конечно, того, въ которомъ „идея построенія" считается уживающейся

со всевозможными режимами. Мы и нимало не сомнѣваемся, что протесты раздадутся со всѣхъ сторонъ. Но мы, оставшіеся вѣрными принципамъ Народной Воли, стоимъ въ особомъ положеніи. Тихомировъ нигдѣ ранѣе предисловія не высказывалъ публично своихъ отрицательныхъ взглядовъ на революцію и терроръ, нигдѣ и не заявлялъ о разрывѣ съ народовольцами. Для друзей и для враговъ онъ — еще прежній Тихомировъ. Мы вовсе не желаемъ поэтому допустить публику думать, что эволюція, приведшая нашего товарища на „независимый путь" предисловія, продѣлана и Народной Волей: пусть на автора лягутъ цѣликомъ и честь и позоръ за эту независимость Съ другой стороны предисловіе, не смотря на свою кажущуюся ясность и вылощенность, соткано изъ цѣлаго ряда недомолвокъ и полно прошмыгиваній мимо вопросовъ очень важныхъ. Въ немъ достаточно вещей, чтобы возмутить всякаго и каждаго революціонера и искренняго врага деспотизма, но не заявлено опредѣленно и категорически отношенія къ тѣмъ принципамъ, которые обусловливали еще такъ недавно дѣятельность Тихомирова.

Поэтому мы не задумываемся протестовать теперь-же, но, протестуя, мы требуемъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Тихомирова нѣкоторыхъ разъясненій; въ нихъ онъ не можетъ отказать намъ, если ему дороги его настоящія убѣжденія.

Авторъ нападаетъ на терроръ, который наиболѣе широко практиковался партіей, заключавшей автора въ своихъ рядахъ, но ни единымъ словомъ не упоминаетъ о существованіи самой Народной Воли и о своемъ отношеніи къ ней. Но вѣдь суть-то народовольческой программы—политическій переворотъ, влекущій за собою соціальныя и экономическія измѣненія въ направленіи къ соціализму, ибо недаромъ народовольцы —„по основнымъ убѣжденіямъ соціалисты-революціонеры". Терроръ-же является однимъ изъ средствъ, но не единственнымъ, этого переворота, и отнюдь не самодовлѣющимъ принципомъ. Истинные народовольцы никогда и не хотѣли видѣть въ террорѣ одинъ изъ законовъ вселенной или хотя-бы общежитія и приписывали ему гораздо болѣе ограниченную и спеціальную сферу дѣйствія: „дезорганизовать правительственную организацію". Намъ любопытно знать, какъ относится Тихомировъ къ возможности и желательности для Россіи указаннаго выше политическаго переворота и связанныхъ съ нимъ соціальныхъ и экономическихъ измѣненій.

Новый вопросъ. Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ: нѣтъ ничего фантастичнѣе, какъ представленіе о крупномъ политическомъ переворотѣ, совершающемся безъ пролитія чьей-бы то ни было крови, безъ потери чьей-бы то ни было жизни. Это—горькая необходимость, это—печально, но такъ было и будетъ, пока въ обществѣ не прекратится зоологическая борьба за существованіе между особями и соціологическая между группами. Какъ думаетъ

объ этомъ Тихомировъ, и какъ намъ понимать его фразу о томъ, что когда есть достаточно силы, политическихъ убійствъ незачѣмъ дѣлать? А если политическое „убійство" является необходимымъ прологомъ переворота?

А „насильственныя мѣры", такъ неловко приставленныя къ террору и за одно съ нимъ отброшенныя во имя соціологическихъ законовъ? Допустимъ, что совершается, напр., революція или происходитъ дворцовый заговоръ: неужели революціонерамъ отступить здѣсь передъ „насильственными мѣрами", смиренно докладывая монарху, что онъ долженъ покориться своей участи во имя здраваго „пониманія соціологическихъ законовъ"? Отрицаетъ-ли Тихомировъ въ принципѣ и серьезно значеніе насильственныхъ мѣръ? Намъ, между прочимъ, странно, что авторъ произноситъ приговоръ надъ этими мѣрами, *приставивши ихъ къ террору* въ той фразѣ, гдѣ онъ называетъ „парламентъ и политическія свободы" не богъ знаетъ какой важностью. Странно, потому что авторъ долженъ былъ-бы приложить свою критику, поставивши насильственныя мѣры на надлежащее мѣсто, именно гдѣ онъ говоритъ о возможности измѣнить извѣстный режимъ. Почему онъ не попробовалъ въ самомъ дѣлѣ построить слѣдующую фразу: „или есть силы — или ихъ нѣтъ — низвергнуть правительство; въ первомъ случаѣ не зачѣмъ прибѣгать къ политическимъ убійствамъ и — насильственнымъ мѣрамъ?!" Не потому-ли, что всякій-бы спросилъ, а къ чему-же и прибѣгать какъ не къ насильственнымъ мѣрамъ, когда есть силы, и какимъ образомъ иначе докажешь режиму, что пора его старымъ костямъ на мѣсто?

Еще вопросъ. Авторъ ставитъ существованіе политической свободы въ зависимость отъ имѣнія при себѣ „идеи соціальнаго творчества". Что-же эта идея — исключительная что-ли принадлежность людей, отрицающихъ революцію? Но, богъ мой, развѣ Народная Воля постоянно, въ противоположность другимъ направленіямъ, не напирала на возможности теперь-же, тотчасъ же заниматься „соціальнымъ творчествомъ", проводя въ жизнь его идею? Она добавляла лишь, что нужно создать условія, необходимыя для этого проведенія, т. е. болѣе или менѣе нормальный политическій строй. Тихомировъ, не говоря въ сущности ничего новаго о зависимости между политическими условіями и процессомъ общественнаго созиданія, только перевертываетъ порядокъ вещей, ставитъ плугъ впереди быка, и соціальное творчество впереди политической свободы. Намъ желательно знать, что̀ находитъ онъ фантастическаго въ прежней постановкѣ вопроса? Развѣ только то, что идеи о соціальномъ творчествѣ Народной Воли могутъ оказаться не тѣми самыми, какія имѣетъ теперь Тихомировъ?

„Нужно распространять науку и цивилизацію какъ можно скорѣе и шире"? Мы спрашиваемъ, дѣйствительно-ли авторъ убѣж-

денъ въ томъ, что это „скорѣе и шире" мыслимо при существующихъ условіяхъ, когда въ сферѣ высшаго образованія изъ-за нелѣпѣйшаго университетскаго устава, о которомъ когда-то писалъ самъ Тихомировъ, закрываются университеты, выбрасываются студенты, изгоняются профессора, когда въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ захлопываютъ дверь подъ носомъ у сыновей „кучеровъ и прачекъ", когда въ области народнаго образованія правительство заводитъ съ трехъ сторонъ — для „образца"! — церковныя школы съ часословомъ на смѣну земскихъ съ „пропагандой"?

Наконецъ, еще одинъ послѣдній вопросъ. Тихомировъ рисуетъ намъ картину благосостоянія государственныхъ крестьянъ, созданнаго Киселевымъ, „однимъ изъ величайшихъ государственныхъ мужей Россіи", „инструментомъ", „очень искусно" выбраннымъ для этой цѣли Николаемъ, и противопоставляетъ этой картинѣ изображеніе „дезорганизаціи", созданной 19 Февраля. По мнѣнію Тихомирова, нужно было лишь слѣдовать примѣру Киселева, т. е. въ сущности націонализировать землю (авторъ, замѣтимъ въ скобкахъ, не употребляетъ даже эту безобидную, по нынѣшнему времени, формулу, а замѣняетъ ее довольно неясной перифразой, не упуская случая однако выразить свое презрѣніе къ какому-то „онъ" (вѣроятно интеллигенціи), которое дѣла не дѣлало, а наговорило „всякихъ вещей, отъ свободы до соціализма"). Вопросъ: думаетъ-ли Тихомировъ, что въ эпоху освобожденія крестьянъ возможно было русскимъ реформаторамъ сыграть повсюду и систематично, въ качествѣ „инструментовъ" самодержавія, роль подобную той, какую сыгралъ Киселевъ случайно? Думаетъ-ли онъ, что въ наше время революціонеръ долженъ обречь себя на эту дѣятельность? Вѣритъ-ли онъ въ возможность царскаго прогресса и царскаго соціализма, онъ, который когда-то обрисовалъ умственную слѣпоту Кошелева, уповавшаго на самодержавіе, и изобразилъ подвохи самодержца противъ „красныхъ" своихъ исполнителей?*)

Мы, прежніе товарищи Тихомирова, ставимъ эти вопросы, почти увѣренные, что онъ на нихъ отвѣтитъ утвердительно, и на этотъ разъ ясно покажетъ, какая пропасть между нимъ, человѣ-

*) Мы не входимъ здѣсь въ суть Киселевской реформы, хотя должны замѣтить, что видимъ въ ней лишь одну сторону, идею планомѣрнаго вмѣшательства государства въ экономическій строй, но нашъ идеалъ вовсе не есть крестьянинъ, хорошо питаемый и управляемый, и платящій исправно подати, словомъ крестьянинъ-объектъ государственнаго скотоводства. Кромѣ того, называя безъ малѣйшей оговорки 19 Февраля 1861 г. „дезорганизаціей", авторъ бросаетъ ложный свѣтъ на освобожденіе крестьянъ, нравственное значеніе котораго громадно.

комъ новаго завѣта, принесшимъ въ міръ, „здравыя, положительныя идеи“ мирнаго прогресса, мирнаго развитія, уживающагося со всякими режимами, и нами, старыми язычниками, на которыхъ не снизошло откровеніе и которые лишены поэтому „пониманія соціологическихъ законовъ“. А онъ долженъ отвѣтить прямо. Для него страшна отвѣтственность за смерть какого-бы то ни было человѣческаго существа! Но сколько молодыхъ, формирующихся существъ обрекаются на нравственную смерть, на внутреннее разложеніе, въ смутную пору, когда всякая эволюція человѣка повидимому уже установившагося служитъ для нерѣшительныхъ и колеблющихся поощреніемъ и призывомъ быть переметною сумой...

Да, не легко при видѣ старыхъ товарищей, переходящихъ въ другой лагерь: рвется по живому та ткань, куда долгій процессъ совмѣстной идейной жизни вплелъ безчисленными нитями образъ нашихъ друзей по дѣлу; долго и мучительно шевелятся и напрасно стараются сростись разорванныя волокна раны.... Но жизнь, вѣчно кипучая, вѣчно творческая, заполняетъ мало-по-малу рамку, откуда выпалъ этотъ образъ, и чѣмъ полнѣе сама жизнь идеями, тѣмъ скорѣе наступаетъ обновленіе.... Какъ хорошо теннисоновское:

The individual withers, and the world is more and more
(увядаетъ личность, а міръ все идетъ да идетъ).

О, конечно, личности могутъ гибнуть, умирать, кончать самоубійствомъ, физическимъ или нравственнымъ, — развѣ не самоубійство — отреченіе отъ тѣхъ убѣжденій, которымъ было отдано столько лучшихъ лѣтъ, изъ-за которыхъ пало столько друзей, съ которыми соединено было все, что́ дышало правдой, внутренней красотой и идеаломъ? Но міръ, но люди, но общество живетъ и будетъ долго еще жить. И кто связываетъ свою жизнь съ жизнью этого великаго цѣлаго, кто въ немъ видитъ цѣль своей дѣятельности, тотъ почерпнетъ тамъ и достаточно силы, чтобъ идти къ безсмертной идеѣ все съ новыми и новыми людьми:

Да здравствуетъ старая Народная Воля и новые борцы!

Прежніе товарищи Тихомирова по дѣятельности и убѣжденіямъ.

— ◆ ◆ ◆ —

Я не былъ членомъ организаціи „Народной Воли“, не былъ и такъ близокъ лично съ Л. А. Тихомировымъ, какъ нѣкоторые изъ моихъ товарищей по русскому соціально-революціонному дѣлу, которые составили предыдущій протестъ и которые, какъ мнѣ очень хорошо извѣстно, имѣли полное право подписаться какъ „прежніе товарищи Тихомирова по дѣятельности и убѣжденіямъ“. Но я былъ товарищемъ Льва Александровича по редакціи „Вѣстника“. Передо мною въ настоящую минуту лежитъ его письмо безъ даты, но которое писано едва-ли полгода тому назадъ и гдѣ онъ прямо говоритъ: „Я достаточно пишу для того, чтобы мои мнѣнія были извѣстны тѣмъ, кто ими интересуется“. Слѣдовательно полгода тому назадъ онъ считалъ себя солидарнымъ съ мнѣніями, высказанными имъ въ рядѣ статей „Вѣстника Народной Воли“. А эти мнѣнія были: необходимость *революціонныхъ* пріемовъ для торжества соціальнаго порядка повсюду; необходимость *революціонныхъ* мѣръ для низверженія нынѣшняго деспотическаго строя въ Россіи. Я оставляю совершенно въ сторонѣ вопросъ о террорѣ, который и прежнимъ „Исполнительнымъ Комитетомъ“ не былъ возводимъ въ систему, такъ какъ Комитетъ никогда не признавалъ своими мнѣній, высказанныхъ въ брошюрахъ Морозова и Тарновскаго. Но *революціонный* путь былъ и остался, насколько мнѣ извѣстно, для всѣхъ фракцій русскихъ соціалистовъ неизбѣжнымъ пріемомъ борьбы за прогрессъ нашей родины. Я вполнѣ согласенъ съ моими товарищами, подписавшими предыдущій протестъ, что въ новомъ предисловіи Л. А. Тихомирова сказано достаточно, чтобы заподозрить его въ отреченіи отъ всякаго революціоннаго пути, но слишкомъ мало для того, чтобы это отреченіе было ясно для всѣхъ читателей. И потому я, вмѣстѣ съ ними, ставлю ему вопросы:

Считаетъ-ли онъ необходимымъ *революціонный* путь для достиженія цѣлей соціализма? и считаетъ-ли онъ дозволительнымъ

этотъ путь для всѣхъ соціалистовъ, которые не вѣрятъ въ мирную замѣну нынѣшняго капиталистическаго порядка соціалистическимъ?

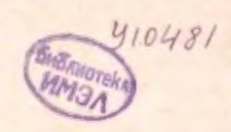
Считаетъ-ли онъ необходимымъ *революціонную* дѣятельность въ Россіи въ настоящее время? и считаетъ-ли онъ ее обязательною, или хотя-бы дозволительною для всякаго русскаго, который признаетъ, что лишь этимъ путемъ наша родина можетъ избавиться отъ самодержавнаго произвола, убивающаго всѣ ея живыя силы?

Какъ онъ относится теперь, весною 1888 г., къ своимъ собственнымъ статьямъ въ журналѣ, который мы вмѣстѣ редактировали; къ статьямъ, имѣвшимъ, по его мнѣнію, высказанному еще осенью 1887 г., столь опредѣленный характеръ, что Левъ Александровичъ не счелъ тогда нужнымъ даже формулировать свою политическую программу, но просто сослался на эти статьи?

Его прежнимъ товарищамъ по дѣлу, точно такъ-же какъ и всѣмъ его „соотечественникамъ", которыхъ онъ имѣлъ въ виду (стр. XI), высказываясь въ своемъ новомъ предисловіи, необходимо знать точный смыслъ тѣхъ „идей соціальнаго творчества", которыя онъ считаетъ необходимыми даже для достиженія какихъ бы то ни было „политическихъ свободъ". Если это — новые пути соціально-революціоннаго характера, мы у него поучимся. Если-же это — путь скромнаго примиренія съ современными порядками въ Россіи, пусть онъ это выскажетъ вполнѣ откровенно.

П. Лавровъ.

10 Марта 1888 г.

Женева Вольная русская типографія.